

А. В. АНТОЩЕНКО, С. В. ПОНОМАРЕВ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ Г. В. ВЕРНАДСКОГО О ПРАГЕ (к 130-летию со дня рождения историка)

Мемуары известного историка-эмигранта Г.В. Вернадского хранятся в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. В публикуемых воспоминаниях о «пражском периоде» своей жизни он уделял основное внимание преподаванию на Русском юридическом факультете в Праге и сотрудничеству с коллегами по Семинарию Н.П. Кондакова. Нежелание подробно писать о евразийском движении, в которое он был вовлечен в то время, косвенно свидетельствует о его разочаровании в конце жизни в евразийской исторической концепции.

Ключевые слова: эмигранты «первой волны» в Праге, Г.В. Вернадский, евразийство

Почти пять лет, проведенные в Чехословакии (1922–1927), после чего он перебрался в США, стали значимым периодом в жизни известного историка Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973). Покинув родину вместе с эвакуировавшимися из Севастополя войсками Врангеля, в правительстве которого он выполнял обязанности начальника отдела печати, Вернадский оказался сначала в Константинополе, затем в Афинах. Если в крупнейшем турецком городе он вынужден был зарабатывать на жизнь, овладев несложными навыками садовника, то в греческой столице, где они с женой прожили около года, у него появилась возможность работать в библиотеке Греческой археологической ассоциации (устроиться ему помог профессор Афинского университета П. Лорензато), и преподавать. Правда, бывшему приват-доценту Петроградского и профессору Пермского и Таврического университетов пришлось учить мальчишек в православной прогимназии, организованной митрополитом Платоном (с ним Вернадский познакомился еще в Константинополе). Не удивительно, что он чувствовал себя «отлученным от науки» и с радостью воспользовался возможностью вернуться к университетскому преподаванию и научным занятиям, когда правительство Чехословакии начало осуществление «Русской акции».

Переехав в начале 1922 г. в Прагу, историк вынужден был расширить область своих занятий, став профессором Русского юридического факультета. Здесь он начал заниматься историей русского права¹, подготовил для студентов учебные пособия², написал монографию о «кон-

¹ Отчет 1925. С. 12.

² Вернадский 1922; 1924.

ституции Н.Н. Новосельцева»³ и опубликовал ряд статей по российской истории периода правления Александра I в эмигрантских и европейских исторических журналах⁴. Другим центром притяжения в Праге для Вернадского стал «семинарий» Н.П. Кондакова, под обаяние которого он сразу же попал после приезда академика из Софии. Кондаков оказал на него и научное влияние, обратив его взор к Византии, скифо-сарматскому миру и аланам. Вернадский не только активно участвовал в работе *Seminarium Kondakovianum*, публиковался в его изданиях, но и способствовал его преобразованию в институт после смерти основателя. Наконец, третий центр притяжения Вернадского в Праге – евразийство, с представителями которого он установил связи через одного из лидеров движения – П.Н. Савицкого. В евразийских изданиях появился ряд его статей и монографий о русской истории, которые, по мнению Н.Н. Болховитинова, имели «гораздо более важное значение в научном творчестве историка», чем его исследования «по западной истории»⁵ (точнее сказать: написанные с западнических позиций). Это утверждение российского академика было направлено против достаточно критических оценок евразийского наследия Вернадского американским историком Ч.Дж. Гальпериным, который считал, что «в своих наиболее евразийских работах Вернадский не осуществил профессионально приемлемого исследования»⁶. Такая оценка соответствует его общему пониманию эволюции исторических взглядов историка-эмигранта: «Кадетская политическая и историографическая традиция его семьи и воспитания была модифицирована уже до революции некоторыми новыми выводами о значении монголов и степи в русской истории. Под влиянием революции и эмиграции он воспринял пристрастные утверждения о религиозном и этническом разделении между православными и униатами, русскими и украинцами, русскими и европейцами, которые выразились в его принадлежности к евразийству. Тем не менее, он продолжал выражать кадетские представления о роли европейской культуры и политических моделей в русской истории. Переезд в Соединенные Штаты не изменил немедленно его интерпретаций, но к послевоенному (после II мировой войны) периоду американская плюралистическая, свободная предприимчивость и демократические ценности побудили

³ *Вернадский* 1925.

⁴ См. соответствующие разделы библиографии работ Г.В. Вернадского, составленной Н. Андреевым (*Vernadsky* 1978. P. 528–529), и дополнения к ней Ч. Гальперина (*Halperin* 1985. P. 190).

⁵ *Болховитинов* 2005. С. 39 и сл. Подобную точку зрения высказала ранее Н.Е. Соничева. См.: *Соничева* 2001. С. 626–627.

⁶ *Halperin* 1985. P. 186. На негативное отношение к евразийской концепции российской истории Г.В. Вернадского части русских историков-эмигрантов указала М.Ю. Сорокина. См.: *Сорокина* 2001. С. 340. Ср.: В поисках неевропоцентричного взгляда на прошлое. С. 402–411.

Вернадского отказаться от худших предрассудков евразийства в пользу более универсальных кадетских подходов»⁷. В противоположность данной интерпретации Болховитинов стремится показать значимую роль Вернадского в становлении американской русистики при сохранении его верности евразийским идеям. Хочется надеяться, что публикация воспоминаний о «пражском периоде» его жизни и деятельности не только пополнит наши знания о нем, но и в какой-то мере будет способствовать адекватному решению спорного вопроса: шло ли в последующем развитие евразийских взглядов историка или же их изживание.

Публикуемый набросок воспоминаний был написан очень быстро, практически за один день. 26 июня 1971 г. Вернадский написал: «Буду записывать отрывки воспоминаний о Праге по мере того, как они придут в голову – это будет материал, на основе которого позже, е<сли> ж<ив> б<уду> (как говорил Толстой), можно будет написать серьезный связный рассказ». Эту же дату он поставил в начале следующего фрагмента воспоминаний о поездке в Афины из Праги. А через три дня (о чем свидетельствует дата, проставленная сверху листа – 6/29/71, сделанная на американский манер: сначала обозначен месяц, а потом день и год) на листке меньшего размера он отметил необходимость проверить данные о коллегах по юридическому факультету: «Воспоминания о Праге уточнить и дополнить на основании: (1) отчета Русск<ого> юридического факультета за 2-й год его существования, (2) II съезда русск<их> академ<ических> организаций в Праге (1922), (3) Устава Русской учебной комиссии (I-й съезд русск<их> акад<емических> орг<анизаци>й стр. 136 сл.)». Очевидно, что рукопись не была завершена, хотя в нее помимо зачеркиваний и дополнений, которые делались сразу, теми же чернилами, что и писалась рукопись, были внесены исправления простым карандашом (они сводились главным образом к зачеркиванию повторяющегося материала). Незавершенность и предварительный характер записей воспоминаний можно рассматривать и как положительный момент для изучения. Быстро сделанные заметки зафиксировали то, что прежде всего всплывало в памяти, маркируя тем самым то, что забылось или, по крайней мере, должно было быть вытеснено на периферию воспоминаний.

Основное внимание историк уделил коллегам по Русскому юридическому факультету и семинарию Кондакова, а также чехословацким государственным лидерам и ученым. Правда, характеристики их лаконичны и лишены сколько-нибудь эмоциональной окрашенности. Автор воспоминаний не склонен к каким бы то ни было размышлениям о прожитом, выступая скорее не как мемуарист, стремящийся представить осмысленные итоги своей жизни, а как историк-позитивист, фикс-

⁷ Halperin 1985. P. 91.

сирующий запомнившиеся (иногда своей забавной стороной, как в случае с Н.Л. Окуневым) и кажущиеся важными факты прошедшего.

Видимо, отношение к евразийству, несмотря на его реальное значение для Вернадского в 1920-х и даже 1930-х гг., на закате жизни меняется. По крайней мере в воспоминаниях о Праге он не считает нужным подробно говорить об этом. Но и позже – в набросках воспоминаний об «американском периоде» своей жизни⁸ – он не уделил никакого внимания ни контактам с евразийцами (а он интенсивно переписывался с П.Н. Савицким⁹ и опубликовал две книги в евразийском издательстве¹⁰), ни критике евразийских пассажей в его работах. Учитывая, что воспоминания об этом периоде как завершение (окончание) всякого исторического нарратива должны определять его смысл, нужно внимательно изучить опубликованные в США работы Вернадского по истории России, чтобы ответить на вопрос о том, в какой мере они несли на себе печать евразийства или были выражением процесса изживания евразийства, о котором в конце жизни он не очень-то хотел вспоминать.

Публикуемая рукопись хранится в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (George Vernadsky Papers. Box 97. Folder 7: Memoirs about Prague). Хочу выразить благодарность куратору архива Татьяне Чеботаревой за помощь во время работы в нем и разрешение на публикацию данных материалов. Подготовку к публикации текста воспоминаний осуществил студент Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ С.В. Пономарев, который также принимал участие в составлении комментариев.

Г.В. Вернадский. Прага

Наш с Ниной приезд в Прагу описан в рукописи моей о нашем пребывании в Греции в 1921/22 г.

Буду записывать отрывки воспоминаний о Праге по мере того, как они придут в голову – это будет материал, на основе которого позже, е<сли> ж<ив> б<уду> (как говорил Толстой), можно будет написать серьезный связный рассказ.

В отеле «Regun» мы с Ниной, сколько помню, пробыли почти неделю. Комитет русской акции¹¹ платил за комнату, а обедали мы даром в так

⁸ Большая их часть опубликована в диссертации О.И. Захарова. См.: *Захаров* 2016. С. 213–219.

⁹ George Vernadsky Papers. Boxes 8–10 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscripts Library.

¹⁰ *Вернадский* 1934; 1938.

¹¹ *Русская акция (Ruská pomocná akce)* – гуманитарная программа помощи беженцам из России, проводившаяся с 1921 г. В рамках этой акции правительство

называемом Худобинце. В это время я получил уже свою первую месячную стипендию, и мы смогли устроиться уже самостоятельно. Первое время эта стипендия была щедрая¹² (позже её стали урезать). Нам дали адреса нескольких чешских квартир, где были свободные комнаты, и в первой же у Pani Husakova мы сняли вроде маленькой квартирке – большая светлая кухня и рядом большая комната, а кроме того – темный, но просторный чуланчик, куда можно было сложить чемоданы.

«Русская акция» в Праге процветала на чешские деньги, но так как во время гражданской войны в России чехословацкие войска (бывшие формально под высшим командованием Антанты) захватили на Волге часть русского золотого запаса, то русские в Праге не считали себя благодетельствованными, и даже утверждали, что имеют как бы право на чешские деньги. Но, конечно, чехи свободно могли употребить эти деньги не на «русскую акцию», а на что угодно.

Тем, что деньги были употреблены на русскую акцию, русские были обязаны главным образом двум чешским лидерам – президенту Масарику¹³ (склонявшемуся к социализму) и Карлу Крамаржу¹⁴ – вождю национально-демократической партии, другу русских, Надежде Николаевне (рожденная Хлудова [кажется – надо проверить] – по первому мужу – Абрикосова¹⁵). С точки зрения социалистов, Крамарж был «буржуазный демократ».

Центральным учреждением «русской акции» была Русская учебная коллегия. Во главе её стоял выдающийся русский инженер, изобретатель нового типа паровых котлов Алексей Степанович Ломшаков¹⁶. Административным его помощником был инженер Варенов¹⁷, очень дельный ад-

Чехословакии брало под опеку детей, женщин и инвалидов, а также земледельцев, студентов и ученых, обеспечивая им финансовую поддержку.

¹² В 1923 г. Вернадскому было установлено содержание в 2100 крон с выплатой дополнительных 300 крон «на жену». Выплаты другим профессорам колебались от 1500 до 3300 крон в месяц. См.: Ковалев 2012. С. 52.

¹³ *Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг* (1850–1937) – чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель. Первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

¹⁴ *Крамарж (Kramář) Карел* (1860–1937) – чешский политический деятель. Первый премьер-министр Чехословакии (1918–1919). Активный сторонник Белого движения. Сыграл большую роль в поддержке Чехословацкой русской эмиграции.

¹⁵ *Крамарж-Абрикосова (Kramář) Надежда Николаевна* (1862–1936) – дочь богатого московского купца Н.Н. Хлудова, в первом браке за А.А. Абрикосовым, жена К. Крамаржа с 1900 г. Поддерживала русскую эмиграцию в Праге, руководила Комитетом помощи русским студентам.

¹⁶ *Ломшаков Алексей Степанович* (1870–1960) – российский инженер. Профессор Петербургского политехнического института. В эмиграции с 1920 г. Организатор и председатель Пражской конституционно-демократической группы (1920), профессор Чешского высшего технического училища, председатель Русского академического союза, а также ряда эмигрантских общественных организаций в Чехословакии.

¹⁷ *Варенов Владимир Дмитриевич* (1877–1938) – российский инженер-технолог, профессор Петербургского технологического института. В эмиграции с 1921 г. В Праге заведовал учебной частью Комитета помощи русским студентам.

министратор. В учебную коллегию входили все русские профессора с решающим голосом и не имевшие профессорского звания преподаватели – с совещательным голосом (в каждом индивидуальном случае их должен был утвердить совет коллегии).

Учебная коллегия направляла подведомственных ей студентов (получавших стипендию значительно меньшую, чем профессора¹⁸) в соответствующие чешские учебные заведения (Карлов университет, технические училища и т.д.).

Учебная коллегия получила средства на издание «Ученых записок», где могли печатать свои труды профессора.

Состав профессуры в общем был блестящий. В России они преподавали в университетах и политехникумах. Членом академии наук был, кажется, только один член учебной коллегии – Н.П. Кондаков¹⁹.

В деле заведования студентами Учебная коллегия разделялась на факультеты. Я принадлежал к историко-филологическому факультету, во главе которого стоял историк славян Ястребов²⁰.

Дел у этого факультета почти никаких не было, но, тем не менее, Ястребов созывал заседания факультета чуть ли не каждую неделю. Это была бессодержательная болтовня, больше всех говорил сам Ястребов. Я перестал ходить на заседания и вдруг получаю официальную бумагу от Ястребова, что я исключён из состава факультета. Я нисколько не был этим огорчён, но за меня, из принципа, возмутился Н.П. Кондаков и потребовал, чтоб факультет восстановил моё членство в факультете. Факультет это сделал, но я всё равно на заседания больше не ходил. Надо сказать, что Ястребов в это время был болен (кажется, у него был рак). Этим отчасти объясняется его раздражительность. Он вскоре умер.

В это время Павел Иванович Новгородцев²¹ с группой русских юристов задумал основать в Праге Русский юридический факультет, как особое самостоятельное учреждение. Он привлек меня к этому делу. У меня не было специального юридического образования, но я считал, что историк должен знать, по крайней мере, основы государственного права и быть осведомленным и об основах государственного права. Моя статья «Манифест Петра III о вольности дворянской» (1920?)²² носила уже отчасти юридический характер.

¹⁸ Стипендия русских студентов колебалась от 350 до 800 крон в месяц, что было ниже прожиточного минимума, установленного в Чехословакии в начале 1920-х гг. в размере 1000 крон.

¹⁹ *Кондаков Никодим Павлович* (1844–1925) – российский историк византийского и древнерусского искусства, археолог. С 1920 г. – в эмиграции. Профессор Софийского (1920–1922) и Пражского Карлова (1922–1925) университетов.

²⁰ *Ястребов Николай Владимирович* (1869–1923) – российский славист, специалист по истории Чехии, западных и южных славян. В эмиграции с 1919 г. С 1920 г. профессор Карлова университета. Преподаватель Русского педагогического института им. Я.А. Коменского.

²¹ *Новгородцев Павел Иванович* (1866–1924) – правовед, философ, общественно-политический деятель. В эмиграции с 1920 г. Основатель и декан Русского юридического факультета. Первый председатель Русской академической группы в Праге.

²² Ошибка памяти. См.: *Вернадский* 1915.

Новгородцев предложил мне читать общий курс по русскому государственному праву XVIII–XIX веков, а также руководить семинаром об источниках русского права, начиная с «Русской Правды». Здесь я стоял уже на твердой почве. Кроме того, Новгородцев попросил меня прочесть полугодовой специальный курс об источниках церковного права. Дело в том, что профессор канонического права о. Сергей Булгаков²³ не согласился читать курс об источниках. На этом курсе у меня было всего несколько студентов.

Состав профессоров Русского юридического факультета (исключая меня – новичка) был первоклассный. Сам Новгородцев читал, кажется, философию права; Н.Н. Алексеев²⁴ – государственное право; Д.Д. Grimm²⁵ – римское право; М.М. Катков²⁶?

Сенатор С.В. Завадский²⁷ – гражданское право; К.И. Зайцев²⁸ – административное право; П.Б. Струве²⁹ – политическую экономию³⁰.

Когда Кондаков узнал о моем участии в программе Русского юридического факультета, он огорчился и даже рассердился на меня. Он не признавал отвлеченные науки – философию и право – за науки. Признавал только точные науки, как естествознание. К точным наукам он причислял и археологию, и историю искусства. Признавал Аристотеля, но презирал Платона как болтуна.

²³ *Булгаков Сергей Николаевич* (1871–1944) – российский экономист, философ, богослов, православный священник. В эмиграции с 1922 г. На Русском юридическом факультете преподавал церковное право. В 1925–1944 гг. профессор и инспектор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже.

²⁴ *Алексеев Николай Николаевич* (1879–1964) – российский философ, правовед, идеолог евразийства. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе (1921–1922). Учёный секретарь юридического факультета Русского народного университета в Праге (1922–1931), преподавал на Русских юридических курсах Сорбонны (1931).

²⁵ *Grimm Давид Давидович* (1864–1941) – российский правовед. С 1920 г. – в эмиграции, в Чехословакии с 1922 г. Профессор (1922–1927) и декан Русского юридического факультета (1924–1927). На Русском юридическом факультете читал историю и догму римского права.

²⁶ *Катков Михаил Мефодиевич* (1861–1941) – российский правовед. В эмиграции в Праге с 1921 г. На Русском юридическом факультете М.М. Катков читал, как и Д.Д. Grimm, историю и догму римского права.

²⁷ *Завадский Сергей Владиславович* (1871–1935) – российский правовед, общественный деятель, сенатор. В эмиграции в Польше с 1921 г. С 1922 г. – в Праге. На Русском юридическом факультете читал гражданское право и гражданский процесс. Председатель Комитета по улучшению быта русских писателей в Чехословакии, почетный член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Председатель совета Русского зарубежного архива.

²⁸ *Зайцев Кирилл Иосифович* (1887–1975) – российский правовед, экономист, богослов, священнослужитель Русской православной церкви за рубежом. В эмиграции с 1920 г. в Константинополе. Приват-доцент Русского юридического факультета в Праге, читал курс административного права. В 1935 г. переехал в Харбин.

²⁹ *Струве Петр Бернгардович* (1870–1944) – российский общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ. С 1922 г. в Праге. На Русском юридическом факультете преподавал политэкономиию.

³⁰ Далее карандашом было записано: «проверить все это»). Фраза обведена.

Я подпал под обаяние Кондакова с самого его приезда (уже при мне) из Софии в Прагу. Слушал замечательный курс его лекций по истории искусства в Карловом университете (он читал по-русски), много беседовал с ним и у него на квартире. В числе русских студентов, слушавших лекции Кондакова, выделялись молодой археолог Н.П. Толль³¹, с которым мы с Ниной подружились ещё в Праге, Беляев³², и приехавший из Эстонии Н.Е. Андреев³³.

Вскоре приехал археолог Калитинский³⁴. Женатый на артистке Моск<овского> Худож<ественного> театра М.Н. Германовой³⁵.

В образовавшемся вокруг Кондакова содружестве видное место занимала выдающаяся русская женщина княгиня (Наталья Григор<ьевна>) Яшвиль³⁶ и её дочь Татьяна Николаевна Родзянко³⁷.

Княгиня Яшвиль была урожденная Филипсон. Её муж и сын и муж Т.Н. Родзянко были убиты большевиками³⁸, Наталья Григорьевна была женщина выдающегося ума и с большим художественным вкусом и пониманием искусства. Глубоко верующая православная. Портрет её работы Нестерова помещен в монографии о Нестерове (вписать имя автора монографии)³⁹.

К «Кондаковскому содружеству» близко стояли Алиса Масарик (дочь президента Масарика)⁴⁰ и американцы Крэны – отец Чарльз⁴¹ бывший аме-

³¹ Толль Николай Петрович (1894–1985) – российский археолог, византолог, иранист. С 1929 г. в Праге, директор Института им. Н.П. Кондакова (1932–1938), с 1939 г. – в США, преподавал вместе с Г.В. Вернадским в Йельском университете.

³² Беляев Николай Михайлович (1899–1930) – византинист. Участник Белого движения, с 1920 г. в эмиграции. Окончил филологический факультет Карлова университета. Ученик и один из основателей Семинариума Н.П. Кондакова.

³³ Анорев Николай Ефремович (1908–1982) – российский историк, литературовед, философ. В 1919 г. эмигрировал в Эстонию. Учился на философском факультете Карлова университета в Праге (1927–1931). После окончания университета сотрудник Института им. Н.П. Кондакова. Директор института (1939–1945).

³⁴ Калитинский Александр Петрович (1880–1946) – российский археолог, искусствовед. В эмиграции в Чехословакии с 1920 г. Преподавал в Пражском университете. Участвовал в работе Семинария Кондакова. В 1930 г. переехал во Францию.

³⁵ Германова Мария Николаевна (1884–1940) – русская актриса, жена А.П. Калитинского. В эмиграции с 1919 г. (Париж, Прага). Преподавала в Лабораторном театре в Нью-Йорке (1929–1930).

³⁶ Яшвиль (урожд. Филипсон) Наталья Григорьевна (1861–1939) – художница и общественная деятельница. Участвовала в Белом движении. С 1920 г. в эмиграции (Константинополь). С 1922 г. в Праге, член правления института им. Н.П. Кондакова.

³⁷ Родзянко (урожд. Яшвиль) Татьяна Николаевна (1892–1933) – художница, дочь кн. Н.Г. Яшвиль. В эмиграции с 1920 г. (Константинополь, Прага). Была в числе членов-учредителей Археологического института им. Н.П. Кондакова. Вместе с матерью руководила эмалевой мастерской.

³⁸ Г.В. Вернадский ошибался относительно судьбы мужа Н.Г. Яшвиль – Николая Владимировича (1857–1893). Яшвиль Владимир Николаевич (1893–1918) – сын Н.Г. и Н.В. Яшвиль, участник Первой мировой войны. Родзянко Григорий Михайлович (1890–1918) – сын последнего председателя Государственной думы М.В. Родзянко, муж Т.В. Яшвиль.

³⁹ Возможно, речь шла о книге С.Н. Дурьлина «Нестеров в жизни и творчестве».

⁴⁰ Масарикова (Masarykova) Алиса (1879–1966) – чешский политик, социолог.

риканский посол в Китае, поклонник русского церковного пения и колокольного звона, и сын Джон⁴², живший в Праге, председатель американской фирмы.

Перед тем как предстояло чествование восьмидесятилетия Кондакова (дата?)⁴³ я расспросил его о его биографии и развитии его ученой деятельности, т. к. меня просили произнести главную речь о нем на чествовании. Чествование прошло очень торжественно, с участием и русских и чехов, было своего рода событием в академической жизни Праги. Но вскоре после чествования Кондаков скончался⁴⁴.

Я знал, что Грегуар⁴⁵ (в Брюсселе) подготовил к 80-летию Кондакова очередной том журнала *Byzantion* (посвященный Кондакову) и немедленно написал ему о кончине Кондакова. Грегуар успел включить эту печальную весть в том журнала.

Наше «Кондаковское сотрудничество» ещё как-то теснее сплотилось в память учителя. Решено было издать сборник статей в память его, причем придать этому сборнику международный характер, пригласить участвовать в нем ряд выдающихся иностранных ученых. Организацию сборника и переписку – приглашение иностранных сотрудников – взяли на себя Толль и Калитинский. Сборник был издан в 1926 году⁴⁶.

Работа по подготовке сборника привела к мысли о создании постоянного ученого учреждения для исследования в области археологии, истории искусства, византиноведения, истории русской культуры. Эта мысль была осуществлена созданием *Seminarium Kondakovianum*. I том трудов его появился в 1927 году. Следующие тома издавались ежегодно⁴⁷. Позже

⁴¹ *Крейн (Crane) Чарльз Ричард* (1858–1939) – американский бизнесмен, знаток арабской культуры, «поклонник русского церковного пения и колокольного звона». Директор Национального банка Чикаго (1912–1913). В 1914 г. создал «Фонд дружбы», бывший источником финансирования исследований России и Ближнего Востока. Организовал в России компанию «Вестингауз» и в период с 1890 по 1930 гг. неоднократно бывал там. В годы гонений помогал деньгами и продуктами представителям Русской Православной Церкви, включая Патриарха Тихона. Негативно относился к большевикам, помогал русским эмигрантам. Американский посол в Китае при президенте В. Вильсоне (1920–1921).

⁴² *Крейн (Crane) Джон Оливер* (1899–1982) – американский историк и дипломат. Пресс-секретарь и помощник первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика. Летом 1930 г. вместе с отцом совершил поездку по Сибири и европейской части России. Член правления Института современных мировых отношений (1930).

⁴³ 14 ноября 1924 г.

⁴⁴ 17 февраля 1925 г.

⁴⁵ *Грегуар (Grégoire) Анри* (1881–1964) – бельгийский историк-византист, эллинист и славист.

⁴⁶ Сборник статей, посвященный памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926. Г.В. Вернадский опубликовал в нем статью «Византийские учения о власти царя и патриарха».

⁴⁷ Всего за 1927–1940 гг. было издано 11 книг. Первоначально издание выходило под названием «Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемых Семинарием имени Н.П. Кондакова» (*Seminarium Kondakovianum*), с 1938 г. ежегодник публиковался под названием «Анналы Института имени Н.П. Кондакова» (*Annales de l'Institut Kondakov*). Последний выпуск в 1940 г. вышел в Белграде.

этот «Семинар» был переименован в Институт памяти Кондакова. Первым председателем *Seminarium Kondakovianum* был избран Калитинский.

Почти одновременно с Кондаковым приехали в Прагу из Болгарии братья Флоровские – русский историк Антоний Васильевич⁴⁸ (с женой) и Георгий Васильевич⁴⁹ (историк с философско-религиозным уклоном).

Также из Софии переехали в Прагу Петр Николаевич Савицкий⁵⁰ (питомец петербургского политехнического института) и две сестры Симоновы. На одной из них, Вере Ивановне⁵¹, вскоре женился Савицкий, на другой, Ксении Ивановне⁵² – Георгий Флоровский.

В 1920 году друг Савицкого, филолог князь Николай Сергеевич Трубецкой⁵³ (профессор Венского университета) издал в Софии книгу «Европа и человечество», положившую начало новому историософскому течению – «евразийству».

С Савицким я довольно скоро сдружился. Петр Николаевич был человек разносторонних интересов и дарований и динамической воли и настойчивости. Он был выдающимся географом, экономистом, историком, социологом. Был религиозным человеком – глубоко верующим православным.

Здесь не место говорить о евразийстве по существу. Скажу только, что я вошел в это историософское движение и сотрудничал в издававшихся Савицким «Евразийских временниках» (из моих статей там упомяну «Два подвига Александра Невского» и «Монгольское иго в русской истории»⁵⁴).

Научная работа в Праге – в моей области – осложнялась состоянием библиотек. В громадной библиотеке Карлова университета русских книг было мало, а пользоваться книгами на других языках было трудно из-за библиотечных правил. Надо было подавать дежурному чиновнику заявление на нужную книгу (кажется, не более как две книги зараз). Дежурный передавал заявку служителю, тот надолго исчезал и потом почти всегда

⁴⁸ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) – историк, славист. В 1922 г. выслан из советской России.

⁴⁹ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – богослов, философ, историк, деятель экуменического движения и один из основателей Всемирного совета церквей. Брат А.В. Флоровского. Преподавал на Русском юридическом факультете в Высшем коммерческом институте в Праге (1922). Один из основателей евразийства.

⁵⁰ Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) – географ, экономист, геополитик, культуролог, философ, поэт, общественный деятель.

⁵¹ Савицкая (урожд. Симонова) Вера Ивановна (1901–1960) – жена П.Н. Савицкого с 1927 г.

⁵² Флоровская (урожд. Симонова) Ксения Ивановна (?–1977) – художница, переводчица, жена Г. В. Флоровского с 1922 г.

⁵³ Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – языковед, философ, публицист, основатель евразийства. В эмиграции в Болгарии с 1920 г., преподавал в Софийском университете. Профессор Венского университета (1923–1938).

⁵⁴ Вернадский Г.В. Два подвига Александра Невского // Евразийский временник. Прага, 1925. Кн. 4. С. 318–337; *он же*. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Прага, 1927. Кн. 5. С. 153–164. Последняя статья была программной для евразийства, но была опубликована только через два года после ее написания, что и было отмечено в издании.

возвращался с пустыми руками и объявлял, что книги нет на месте (профессора Карлова университета имели право брать книги на дом).

Я занимался обыкновенно в семинарской библиотеке профессора Кадлеца⁵⁵ (он был профессором сравнительной истории права славянских народов). Досадным для меня пробелом было отсутствие в этой библиотеке Полного Собрания Законов. Я указал на это Кадлецу, но ему удалось достать экземпляр П<олного> С<обрания> З<аконов> только после моего отъезда из Праги в Америку в 1927 году.

Кадлец был выдающийся ученый и замечательно благородной души человек – один из крупных чешских ученых, не измельчавших под австрийским влиянием. Другим таким столпом чешской науки был Любор Нидерле⁵⁶.

Чехи жили замкнуто и редко когда кого-нибудь постороннего приглашали к себе, Кадлец иногда приглашал меня с собой на какую-нибудь заграничную поездку. Несколько раз мы с ним (вдвоем) ездили довольно далеко на поезде, а потом осматривали какую-нибудь историческую достопримечательность (помню такую нашу экскурсию в замок Karlov Тун). Дорогой было интересно с ним разговаривать – иногда беседовали по научным вопросам, иногда он рассказывал об условиях жизни и работы под австрийским владычеством.

Изредка я заходил к Нидерле на дом – каждый раз ненадолго. Было приятно его повидать и интересно поговорить.

Раз в году (кажется, в декабре) бывал большой прием у президента Масарика в большой зале его Дворца в Граде. Приглашались все русские профессора. Форма одежды была визитка. Приглашались и (в меньшем количестве) чехи – из окружения Масарика и некоторые профессора. Всё было в стойку – или ходили по зале и переходили от одного собеседника к другому. Иногда бывало довольно оживленно. Масарик обходил залу и старался каждому из приглашенных сказать хоть несколько слов. (Тут, кстати, скажу, что как-то, вскоре после моего приезда, Масарик вызвал меня к себе, сказал, что он подготавливает новое издание своей известной книги о России⁵⁷, и предложил мне помогать ему в этом деле. Я отказался – сказал, что я слишком занят ученой и преподавательской деятельностью. Кроме того, чего я ему не сказал – но, мне кажется, он почувствовал – я далеко не во всем созвучен был духу его книги.

(Первый раз я познакомился с Масариком – если это можно считать знакомством – в 1908 году на всеславянском студенческом съезде в Праге в 1908. Я был из делегатов Московского студенчества).

⁵⁵ *Кадлец (Kadlec) Карел* (1865–1928) – чешский правовед. Профессор (1909) и декан юридического факультета Пражского университета (1911–1927). Занимался преимущественно историей славянского права.

⁵⁶ *Нидерле (Niederle) Любор* (1865–1944) – чешский археолог, этнограф и историк-славист. Профессор доисторической археологии и этнографии Пражского университета (1898–1929). Ректор университета (1927–1928). С 1928 г. был первым руководителем Славянского института в Праге.

⁵⁷ Имелась в виду книга «Россия и Европа», впервые вышедшая на немецком языке (Russland und Europa. Bd. 1–2. N. Y., 1913–1918), а затем на чешском (Rusko a Evropa. Dl. 1–2. Praha, 1919–1920).

Более интимного характера – и менее многолюдные – были приемы у Крамаржей по вечерам в их просторном доме на гребне крутого берега Влтавы. Туда приглашались только русские. Сначала все приглашались за стол в большую столовую (там ставились какие-то закуски и подавалось вино. Лакей всё время подливал вино. Раз лакей вызвал Крамаржа в коридор и что-то ему там сказал – «Неужели уже всё выпили?») тут рядом стоял подвыпивший уже историк сербского религиозного искусства Окунев⁵⁸ (подвыпивший) и сказал с удовольствием: «Выпили-с!»). Крамарж велел принести еще. За столом Крамарж сидел в головах в дальнем конце стола, а Надежда Николаевна посередине одной из длинных сторон стола. На столе стояло всегда несколько роскошных букетов цветов. Раз вышло так, что Нина сидела против Н<адежды> Н<иколаев>ны, и та, из-за букета, кокетливо спросила Нину: «Что лучше – цветы или человеческое лицо?». После угощения переходили в большую залу, где ставились стулья, и было концертное отделение – обыкновенно пение. Иногда приглашалась какая-нибудь знаменитая певица – помню, раз пела Фелия Литвин⁵⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
- В поисках неевропоцентричного взгляда на прошлое: отклики эмигрантских историков на евразийскую историю России Г.В. Вернадского // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 387–412.
- Вернадский Г.В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. Пр., 1915. Т. XX. С. 51–59.
- Вернадский Г. В. Лекции по истории русского права, читанные на русском юридическом факультете в Праге в 1922 г. Прага, 1922.
- Вернадский Г.В. Очерк истории права русского государства XVIII–XX вв. (Период империи). Прага, 1924.
- Вернадский Г.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года: историко-юридический очерк. Прага, 1925.
- Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Берлин, 1934.
- Вернадский Г.В. Звенья русской культуры. Ч. 1: Древняя Русь (до половины XV века). Берлин, 1938.
- Захаров О.И. Российские постреволюционные историки-эмигранты в США: проблемы научной и бытовой адаптации. Дис. ... к.и.н. М., 2016.
- Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012.
- Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1923–24 учебный год. Прага, 1925.
- Соничева Н.Е. Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) // *Историки России. Биографии*. М., 2001. С. 624–631.
- Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // *Российская научная эмиграция: двадцать портретов*. М., 2001. С. 330–347.
- Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 36. Wiesbaden, 1985. P. 55–194.
- Vernadsky G. *Russian Historiography. A History* / Tr. by N. Lupinin, ed. by S. Pushkarev. Belmont (Massachusetts), 1978.

⁵⁸ Окунев Николай Львович (1885–1949) – искусствовед, историк искусства и архитектуры. С 1922 г. в Чехословакии, профессор Карлова университета (1925), член Славянского института в Праге (1929).

⁵⁹ Литвинова (урожд. Шутц) Франуаза Жанна Васильевна (сценическое имя Фелия Литвин, Félia Litvinne, 1860–1936), российская певица, драматическое сопрано.

REFERENCES

- Bolkhovitinov N.N. Russkie uchenye-emigranty (G.V. Vernadskii, M.M. Karpovich, M.T. Florinskii) i stanovlenie rusistiki v SShA. Moscow, 2005.
- Halperin C.J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 36. Wiesbaden, 1985. P. 55–194.
- Kovalev M.V. Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.). Saratov, 2012.
- Otchet o sostoianii i deiatel'nosti Russkogo iuridicheskogo fakul'teta v Prage za 1923–24 uchebnyi god. Prague, 1925.
- Sonicheva N.E. Vernadskii Gergii Petrovich (1887–1973) // Istoriki Rossii. Biografii. Moscow, 2001. P. 624–631.
- Sorokina M.Iu. Georgii Vernadskii v poiskakh “russkoi idei” // Rossiiskaia nauchnaia emigratsiia: dvadtsat' portretov. Moscow, 2001. P. 330–347.
- V poiskakh neevropotsentrichnogo vzgliada na proshloe: otkliki emigrantskikh istorikov na evraziiskuiu istoriiu Rossii G.P. Vernadskogo // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 387–412.
- Vernadskii G.P. Manifest Petra III o vol'nosti dvorianskoi i zakonodatel'naia komissiiia 1754–1766 gg. // Istoricheskoe obozrenie. Petrograd., 1915. Vol. XX. P. 51–59.
- Vernadskii G.P. Lektsii po istorii russkogo prava, chitannye na russkom iuridicheskome fakul'tete v Prage v 1922 g. Prague, 1922.
- Vernadskii G.P. Ocherk istorii prava russkogo gosudarstva XVIII–XX vv. (Period imperii). Prague, 1924.
- Vernadskii G.P. Gosudarstvennaia ustavnaia gramota Rossiiskoi imperii 1820 goda: istoriko-iuridicheskii ocherk. Prague, 1925.
- Vernadskii G.P. Opyt istorii Evrazii s poloviny VI veka do nastoiashchego vremeni. Berlin, 1934.
- Vernadskii G.P. Zven'ia russkoi kul'tury. Ch.: Drevniaia Rus' (do poloviny XV v.). Berlin, 1938.
- Vernadsky G. Russian Historiography. A History / Tr. by N. Lupinin, ed. by S. Pushkarev. Belmont (Massachusetts), 1978.
- Zakharov O. I. Rossiiskie postrevolutsionnye istoriki-emigranty v SSHA: problemy nauchnoi i bytovoii adaptatsii. Dis. ... k.i.n. Moscow, 2016.

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета; ant@psu.karelia.ru

Пономарев Сергей Владимирович, студент Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета; ponomarev-sergey_1996@mail.ru

George Vernadsky's unpublished memoirs on Prague

The memoirs of the prominent Russian émigré historian George Vernadsky are stored in the Bakhmeteff archive of Russian and East European history and culture of Columbia University in NYC. In the published part, which represented his life in Prague (1922–1927), he paid attention to his teaching and research activity as a member of the Russian Law Department as well as of the Seminarium Kondakovianum. The memoirist gives vivid characteristics to his former colleagues. His reluctance to give a detailed description of the Eurasian movement, in which he participated at that time, indirectly indicates that he had become disillusioned with the Eurasian historical doctrine by the end of his life.

Keywords: George Vernadsky, Russian emigrants in Prague, Eurasianism

Aleksandr Antoshchenko, PhD, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History in Petrozavodsk State University, ant@psu.karelia.ru

Sergey Ponomarev, student of the Institute of History, Political and Social Sciences in Petrozavodsk State University, ponomarev-sergey_1996@mail.ru